

Алексей Вдовин

Дьявольское искушение извозчика:

ГЕНЕАЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПОПУЛЯРНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО СЮЖЕТА¹

Alexey Vdovin

The Devilish Temptation of a Cab Driver: The Genealogy and Sociology of a Popular Literary Plot

Алексей Вдовин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент Школы филологических наук факультета гуманитарных наук; PhD) avdovin@hse.ru

Alexey Vdovin (PhD; Associate Professor, School of Philological Sciences, HSE University (Moscow)) avdovin@hse.ru

Ключевые слова: социология сюжета, социальное воображаемое, извозчик, сюжет об искушении, крестьяне в литературе

Key words: sociology of plot, social imaginary, cab driver, temptation plot, peasants in literature

УДК: 821.161.1+82-3

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_109

UDC: 821.161.1+82-3

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_109

В статье прослеживаются и анализируются генеалогия, морфология и социология популярного в дореволюционной русской литературе сюжета об искушаемом деньгами извозчике. На основе репрезентативного корпуса более двух десятков текстов, как канонизированных авторов (Н.А. Полевой, Н.А. Некрасов, А.П. Чехов, М. Горький), так и второстепенных и забытых, автор выявляет метасюжет большинства таких историй и предлагает социологическое и культурологическое объяснение, почему они были столь востребованы и почему искушался чаще всего именно извозчик. Основная причина заключалась в том, что момент поездки с возницей и потенциальный разговор с ним воспринимался образованной элитой (которая и про изводила основной массив текстов) как момент редкого доверительного общения с представителем «народа» в режиме частичного снятия сословной дистанции. С социальной точки зрения абсолютное большинство извозчиков в Москве и Петербурге XIX века были крестьянами-отходниками из центральных губерний.

This article traces and analyzes the genealogy, morphology, and sociology of the plot about the temptation of cabman (or cabby), popular in pre-revolutionary Russian literature. Based on a representative corpus of more than two dozen texts, both by canonical authors (Nikolai Polevoy, Nikolay Nekrasov, Anton Chekhov, Maxim Gorky) and by forgotten ones, the author identifies the metaplot of most of these stories and offers a sociological and cultural explanation of why they were so in demand and why it was most often the cab driver who was tempted. The main reason lay in the fact that the moment of a ride with a carriage driver and a potential conversation with him was perceived by the educated elite (who produced the bulk of the texts) as a moment of rare trusting communication with a representative of “the people” in a mode of the partial removal of the class distance. From a social point of view, the absolute majority of cab drivers in nineteenth-century Moscow and St. Petersburg were outcast peasants from the central provinces.

Извозчик — один из самых вездесущих и в то же время незаметных, фоновых персонажей русской литературы. Вытесненный в XX столетии таксистом, он запомнился седокам и читателям благодаря анекдотам, характерным словечкам («замолаживает» у В.И. Даля) или разухабистости. Извозчик лишь незримо двигал сюжет, занимая место на его козлах, в то время как в центре, на си-

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

день, удобно располагались представители более образованных и элитарных сословий — дворяне, купцы, духовенство. И все же в истории русской литературы есть немало произведений, в которых извозчик — протагонист. Наиболее известны: «Мешок с золотом» Н.А. Полевого (1829), «Искушение» М.П. Погодина (1832), «Извозчик» Н.А. Некрасова (1855), «Власть земли» Г.И. Успенского (1882), «Тоска» А.П. Чехова (1886), однако есть и другие. Почти во всех извозчик искушается большой суммой денег, случайно оставленной седоком. Обилие текстов, варьирующих приключения и нравственные испытания извозчика в Петербурге и Москве, заставляет задаться вопросами: почему этот сюжет был так популярен на протяжении XIX века? На что указывает и что символизирует эта устойчивость?

В поисках ответа на эти вопросы традиционные интертекстуальный и контекстуализирующий методы филологического исследования оказываются неэффективными. Объясняя популярность сюжета о приключениях извозчика, необходимо обратиться к той пограничной зоне между литературным и социальными полями, которую в современном литературоведении именуют «литературной социальностью» [Венедиктова 2018: 15] или «социальным воображаемым». Вслед за Ч. Тэйлором я буду понимать под последним «способы, как люди воображают свое социальное существование, как они уживаются друг с другом, как протекают дела между ними и членами той же группы, как обычно сбываются ожидания и более глубокие нормативные понятия и образы, определяющие эти ожидания» [Taylor 2004: 23]. Для социологов и философов принципиально, продолжает Тэйлор, что субъектами или носителями социального воображаемого являются обыватели, которые, как правило, не мыслят социальными концепциями и теориями, а полагаются на «здоровый смысл», традицию, легенды, популярные образы и нарративы [Ibid.]. Массовость подобных представлений легитимизирует обычные практики поведения и ценности, которые воспроизводятся в литературе. Она, в свою очередь, тогда понимается не просто как пассивно отражающая инстанция, но как поддерживающий статус-кво и проактивный институт, который обеспечивает максимально широкое хождение определенных представлений среди читающей публики и способствует их изменению. При таком взгляде текст имманентно социологичен и является пространством, где смыкаются социокультурные условия его производства, эстетический режим (пакт между автором и читателем) и «структуры воображения, конфигурации опыта, устройства субъективности, которые подразумеваются первыми и воплощаются во втором» [Венедиктова 2018: 33]. Коль скоро социальный опыт сословных групп и классов различается, а в крепостной России первой половины XIX века значительно, литература может транслировать специфическое социальное воображаемое, формирующее строго определенный тип субъектности и навязывающее его читателю. Это верно для тех текстов, которые создавались образованной элитой специально для «народа» и протагонистом которых часто выступал извозчик.

В предлагаемой статье я вскрываю связь между морфологией сюжета о приключениях (искушениях) извозчика² и социокультурными обстоятельствами XIX века — массовым отходничеством крестьян в Москву и Петербург. Отно-

2 Следует различать извозчиков и ямщиков — особую категорию служивых людей, которые начиная с Петровского времени обслуживали ямские станции, где меняли лошадей (см.: [Randolph 2007; 2017]). Как показал Д. Рэндолф, образ ямщика в тра-

шение между двумя феноменами и есть тот дискурс и та литературная форма, которая доминировала в культуре на протяжении столетия (с 1790-х по 1880-е годы). Я предполагаю, что сюжет об искушаемом большими деньгами извозчике (12 канонических и второстепенных текстов) возник в первой трети XIX века как ответ литературы и смежных дискурсов на растущее из-за трудовой миграции крестьян население Москвы и Петербурга и развитие транспортных коммуникаций в Российской империи. Более того, само искушение простолюдина в литературной мифологии того времени было прочно связано в первую очередь с фигурой извозчика, то есть крестьянина, а не дворянина или купца. Как я постараюсь показать, это произошло потому, что возницы были очень массовой и потому заметной группой трудовых мигрантов и наглядно репрезентировали для столичной культурной элиты «народ», встреча с которым была неизбежна едва ли не ежедневно (в отличие, например, от крестьян, работающих на барщине в поместьях). Извозчики-ваньки циркулировали не только внутри города, но и сезонно (с поздней осени до ранней весны) между городом и деревней или между ярмарками. В отличие от других социальных групп крестьян, живущих в больших городах (таких, как дворовые, прислуга, лакеи, разносчики, мануфактурные и фабричные рабочие, каменщики, строители, огородники и др.), извозчики были более других вовлечены, с одной стороны, в циркуляцию денег (часто перевозили ездоков с деньгами), а с другой — в межсословную коммуникацию. Оказывая транспортные услуги, извозчик обслуживал людей самого разного социального слоя и материального достатка, выступая в буквальном смысле слова посредником между дворянами и крестьянами, богатыми и бедными, хозяевами и работниками. Не случайно к середине XIX века за извозчиком прочно закрепилась репутация «наблюдателя нравов» и «связного», который всегда в курсе городских новостей и элементарных сведений³. Объясняя, как связан социальный опыт людей этой профессии и их пассажиров с литературной репрезентацией, мы увидим логику, в соответствии с которой литературные сюжеты чаще всего представляют собой истории о дьявольском искушении извозчика или же о его тяжелой трудовой судьбе, полной лишений и обмана. В то время как историки уже отмечали особую репутацию извозчиков в городском фольклоре и их влияние на складывание специфической городской субкультуры [Самарина 2019: 105, 109], связь между социальной тканью и литературной мифологией и другими дискурсами остается практически не исследованной и нуждается в объяснении.

Наконец, неплохая изученность крестьянской миграции в города XIX века позволит высказать гипотезы о том, какие именно социальные явления отразились в синхронных дискурсах (например, статистических), но не попали в фокус литературной репрезентации. Литературная мифология выдвинула в центр лишь один сюжет об извозчике, задвинув в тень другие потому, что все эти тексты были созданы образованной элитой о простолюдинах и манифес-

велогох о России, поэзии и прозе так же был нагружен политическими, географическими и другими коннотациями, выходящими далеко за пределы сугубо транспортной сферы.

3 Булгарин Ф.В. Извозчик — метафизик // Булгарин Ф.В. Сочинения. СПб., 1830. Ч. 7. С. 201; Вистенгоф П.Ф. Извозчики // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / Под ред. В.И. Кулешова. М.: Изд-во Московского университета, 1986. С. 120; Кокорев И.Т. Извозчики-лихачи и ваньки // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / Под ред. В.И. Кулешова. М.: Изд-во Московского университета, 1986. С. 475.

тировали дисциплинирующие представления меньшинства о большинстве, приписывая последнему весьма специфическую субъектность. Под «дисциплинирующими представлениями» я понимаю здесь буквальное предписывание извозчикам того или иного поведения в текстах образованных авторов, многие из которых специально писались для «народного» чтения (например, рассказы Ф. Русанова, В.П. Бурнашева, В.А. Соллогуба).

Таким образом, структура социального воображаемого русской литературы XIX века в том ее сегменте, который касается многих непривилегированных сословий и групп, диспропорциональна и очень избирательно отражает их реальный социальный опыт. К счастью, такие разрывы между популярными в культуре и историографическими нарративами все чаще видны современным исследователям.

Морфология сюжета

Благодаря стихотворению Н.А. Некрасова «Извозчик» (1855) интертекстуальные путешествия извозчиков в первой половине XIX века были неплохо изучены. В работах множества исследователей были прослежены источники сюжета о совершающем самоубийство извозчике в прозе 1830—1840-х годов [Вершинина 1997: 128—129; Гин 1960; Конечный 2021: 396—397; Тынянов 1977]. Исследователи рассматривали генетическую цепочку, ведущую от прозы Погодина и Булгарина к тексту Некрасова, в интертекстуальной перспективе⁴. Дальше Некрасова, во вторую половину века, исследования не продлевались: видимо, считалось, что традиция прерывалась, хотя протагонисты-извозчики продолжали фигурировать в качестве протагонистов и после 1855 года, в рассказах и очерках С.Т. Славутинского, Г.И. Успенского, А.П. Чехова, М. Горького, В.Н. Куликовой и др. Если расширить рамки и рассмотреть не только генетически связанные тексты, то бросается в глаза одна особенность всех этих рассказов: в основе конфликта лежит ситуация дьявольского искушения героя (как правило, неожиданным богатством) с последующим преступлением (где-то совершаемым, где-то нет). С конца XVIII века и до 1895 года не менее 26 текстов (рассказы, драмы и одно стихотворение Некрасова) целиком построены на этом «элементарном сюжете» (по терминологии Т.А. Китаниной [Китанина 2005]⁵). В 12 из них протагонистом является извозчик.

Впервые мотив искушаемого деньгами извозчика в зародыше встречается в рассказе И.И. Запольского «Извозчик» (отмечено в: [Вершинина 1997: 128]). Здесь нет еще сюжета, есть лишь фабула — рассказ старика возницы, как барин

4 Интертекстуальная цепочка, судя по всему, уходит корнями и во французскую традицию. В связи с Булгариным А.М. Конечный отмечает, что структура очерка «Извозчик-ночник» заимствована Булгариным из очерка Жуи «День извозчика», в котором корыстный возница безо всяких утрызений совести присваивает себе найденные вещи [Конечный 2021: 396—397].

5 Опираясь на методологию фольклористов (в частности, на понятие «элементарного сюжета» Б. Кербелите), Т.А. Китанина проанализировала большой массив предпушкинской прозы и выявила несколько наиболее частотных типов элементарных сюжетов — «разлука», «соперники», «запрет на брак» и др. «Искушения» среди них нет. Мой собственный анализ прозы о крестьянах 1789—1861 годов показал, что этот элементарный сюжет становится весьма распространенным и охватывает около 10% всех текстов этой тематики.

однажды оставил ему 100 рублей «на спрят» и ушел в дом, однако совестливый извозчик вернул ему деньги от греха подальше⁶. Полноценное же освоение сюжета об искушении извозчика происходит в повестях выходцев из низших сословий — купца Н.А. Полевого и крестьянина М.П. Погодина. В конце 1820-х — начале 1830-х годов они превратили фабулу и городские анекдоты в художественные повести и рассказы для привилегированных сословий — уже упомянутый «Мешок с золотом» Полевого и три «психологических явления» Погодина — «Корыстолюбец», «Неистовство» и «Искушение» (все — 1832). Оба писателя делали акцент на психологических переживаниях человека из народа, столкнувшегося с большими деньгами (как правило, это несколько тысяч рублей — колоссальная по тем временам сумма). Во всех четырех текстах герой испытывает сильное искушение овладеть богатством, однако развязка разнится. В описаниях момента искушения авторы не задействуют inferнальные коннотации, хотя намеки на дьявольское наваждение могут возникать в речи нарратора, как это происходит в новелле Погодина «Искушение»:

Бывают, кажется, минуты, в которые человек чувствует какое-то поползновение ко злу, как бывают равномерно и другие, когда он готовее на всякое добро. От чего зависят первые: от дьявольского ли наваждения, как мне пришлось сказать к слову в простом рассказе, или от какого-то умственного внезапного помешательства, сердечной слабости, или от всего этого вместе, или наконец от чего другого — я не знаю; но в историческое доказательство таких минут чуть ли нельзя привести и эту быль, слышанную мною на постоялом дворе, на пути в Малороссию⁷.

Рудиментарные отсылки к вмешательству нечистой силы (дьявола или беса) — знак столь распространенных в романтической культуре сюжетов о контактах с потусторонним миром, однако в крестьянской версии тот же набор аллюзий может отсылать напрямую к одному из источников самой романтической inferнальности — религиозным текстам и фольклору. Адаптация inferнальных сюжетов высокой литературы под простонародных героев сопровождалась деперсонализацией нечистой силы или же, напротив, сведением ее лишь к одному существу — бесу-искусителю, в отличие от многообразия призраков в физическом мире готической и романтической прозы. Характерно также и то, что все тексты элементарного сюжета «Искушение» вертятся вокруг денег или материальных благ, которые пробуждают в герое ранее дремавшую алчность — тяжкий грех, согласно Писанию.

Все произведения с сюжетом «Искушение» распадаются на две большие группы в зависимости от исходной ситуации: герой либо терпит нужду и бедствует (9 текстов — «Мешок с золотом» Полевого, «Честный извозчик» Ф. Русанова, «Извозчик-ночник» Ф.В. Булгарина, «Нечистая сила» В.А. Соллогуба, «Мешок с полуимпериялами» В.П. Бурнашева, его же «Золото в руках бедной швеи», «Чужая голова — темный лес» Е.П. Гребенки, «В остроге» М.Е. Салтыкова-Щедрина и «Первый винокур» А.Ф. Погодина), либо, напротив, благополучен (6 текстов — «Корыстолюбец» и «Искушение» М.П. Погодина, «Искушение» и «Памятка» В.И. Даля, «Неожиданное богатство» А.П. Кобяковой и «Накануне Христова дня» А.И. Левитова).

6 *Запольский И.И.* Извозчик // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 19. С. 405.

7 *Погодин М.П.* Повести. Драма. М.: Советская Россия, 1984. С. 88.

В первом случае герой ищет любую возможность, чтобы поправить свое положение или даже разбогатеть, и здесь на первый план выходят его дурные мысли, испорченная натура (например, страсть к пьянству) или внезапное бесовское наваждение, питаемое соблазном большой и легкой наживы. В сюжетах такого типа кульминацией становится преступление — от мелкой кражи до кражи с убийством, иногда двойным и даже тройным. Затем героя обязательно постигает наказание (в двух вариациях — с раскаянием или без), виды которого простираются от естественной смерти из-за болезни («Неожиданное богатство», «Накануне Христова дня») до ареста или каторги («Хмель, сон и явь» В.И. Даля, «Тит Софронов Козонок» А.А. Потехина, «Искушение» Погодина, «Нечистая сила» Соллогуба). Лишь в одном тексте — «Похождениях Трифона Афанасьева» С.Т. Славутинского (1859) — герой раскаивается в непреднамеренном случайном убийстве под влиянием доброго помещика.

Во втором случае герою совершенно случайно попадает в руки богатство, причем он сам иногда об этом не знает и узнает лишь задним числом от владельца этих денег. Такие сюжеты оканчиваются обычно благополучно — в 5 из 6 случаев («Мешок с золотом», «Честный извозчик», «Извозчик-ночник», «Мешок с полумпериалами», «Золото в руках бедной швеи») герой/героиня возвращает деньги их владельцу, получает вознаграждение и обретает душевный покой (лишь в варианте Погодина в «Корыстолюбце» извозчик с горя накладывает на себя руки).

Хорошо видно, что первый куст сюжетов, центрированный вокруг этической проблематики, подразумевал веер уголовных траекторий для крестьян и простолюдинов, охваченных алчным порывом и вовремя не раскаявшихся. Криминализированными в таких текстах, как правило, оказывались греховные и исчисленные в Библии желания (алчность, зависть), роднившие простолюдинов с трагическими персонажами мировой литературы — от шекспировских злодеев и скупцов до романтических разбойников и байронических героев.

Наконец, показательно, что зарождение и эволюция сюжета «Искушение» связаны с таким персонажем из крестьян, как извозчик: до 1861 года извозчик выступает протагонистом в 9 текстах, что охватывает почти половину всех произведений этого сюжетного типа. Откладывая подробное объяснение этого феномена до следующего раздела, проследим судьбу сюжета после 1861 года.

Прежде всего, следует отметить, что количество текстов, в которых извозчик подвергается дьявольскому искушению, падает. Всего лишь два текста — «Власть земли» Г.И. Успенского (1882) и «Извозчик Клим» В.Н. Куликовой (1886) — по-прежнему эксплуатируют мотив искушения деньгами. Постреформенный рефлекс этого сюжета обнаруживается в финале знаменитого цикла Г.И. Успенского «Власть земли». В заключение к серии очерков вставлен рассказ о реальном крестьянине Гавриле Волкове, который сформировался как личность после отмены крепостного права и решил во что бы то ни стало «выбиться» в люди, пропитался духом алчности и накопительства. Не видя перспективы в родной деревне, Гаврила уходит в Питер извозчиком и однажды ночью обнаруживает оброненную поздними седоками муфту и в ней серебряное портмоне с 40 рублями. Присвоив деньги и вещи, Гаврила спешно сбегает в деревню, оставляет деньги жене и, вернувшись в столицу, продолжает работу. Однако начинается следствие, и Гавриле приходится дать взятку приставам, чтобы от него отстали. Большая сезонная конкуренция вынуждает его в конце концов снова вернуться в деревню, где у них с женой рождается двойня — на-

столько не вовремя, что родители убивают детей⁸. Документальность и репортажность очерка Успенского разрушают сюжетный шаблон первой половины XIX века: сюжет уже не может развязаться ни самоубийством героя, ни счастливым обогащением благодаря возврату денег владельцу. Логика реальности не вписывается в клишированные рамки, оказываясь и обыденнее, и трагичнее литературы.

У Куликовой, текст которой издан Комиссией по устройству народных чтений (то есть для чтения простолюдинам), коллизия разрешается, напротив, благополучно, воспроизводя положительный сценарий «вознагражденная добродетель», восходящий к Полевому и Булгарину⁹.

Оттесняя сюжет о дьявольском искушении на периферию, рассказы об извозчиках все чаще тяготеют к обыденности и бессобытийности. В трех рассказах 1860—1880-х годов центральной извозчик оказывается обманут уже вовсе не дьяволом, а другим человеком, причем благородным. Согласно логике царившего тогда реализма, возница превращается из потенциального преступника в жертву социального неравенства. У раннего Г.И. Успенского в «Извозчике» (1867) и никому не известного Д.А. Дмитриева в одноименном рассказе несчастный возница часами тщетно дожидается у парадной «барина», пообещавшего прислать сдачу с крупной ассигнации¹⁰. Поздний Успенский в «Извозчике с аппаратом» (1889), улавливая дух времени, и вовсе увидит риски для профессии в жестяных аппаратах, установленных для сбора платы прямо в экипажах и угрожающих существенно подорвать его доход.

Наконец, апогеем бессобытийности и рутины извозчицкой работы могут служить два рассказа последней трети XIX века, в которых сюжет стоит не на конфликте между извозчиком и седоком, а на отказе от него и на репрезентации тяжелых рабочих будней и семейной жизни героя. Так, в «Тоске» А.П. Чехова (1886) и в «Извозчике» А.Г. Поповой-Волховской у протагониста умирает сын, но возница вынужден без перерыва и дальше зарабатывать себе на хлеб¹¹. Чехов со свойственной ему тонкой рефлексией нарушает одну из конвенций рассказов об извозчиках: протагонист хочет излить душу, рассказав седокам о смерти единственного сына, однако никто не желает его слушать, и в итоге он исповедуется своей лошади. Провал или даже невозможность коммуникации (излюбленная тема Чехова [Степанов 2005: 262—265]) между пассажиром и извозчиком подрывает литературный и культурный миф о легкой и непринужденной беседе между седоком и возницей (см. ниже). Извозчик у Чехова лишается профессиональной роли, чтобы стать таким же человеком, как и его пассажиры.

Завершая обзор сюжетных вариаций, нельзя кратко не сказать о раннем «святочном рассказе» Максима Горького «Извозчик» (1895), который идет еще дальше Чехова в переосмыслении ставшего шаблонным сюжета. Роли полностью инвертируются: дьяволом-искусителем становится теперь сам извозчик — загадочный «философ мужичонка», искушающий своего пассажира — небогатого чиновника Павла Николаевича. Наслушавшись разглагольст-

8 Успенский Г.И. Власть земли. М.: Советская Россия, 1984. С. 210—212.

9 Куликова В.Н. Извозчик Клим: Рассказ из деревенской и петербургской жизни крестьян. СПб., 1886.

10 Дмитриев Д.А. Извозчик: Рассказ Дм. Араксова. СПб.: Ред. журн. «Родник», 1888.

11 Попова-Волховская А.Г. Извозчик // Попова-Волховская А.Г. Тяжелый год: Четыре рассказа из народного быта. СПб.: Изд. М.М. Стасюлевича, 1891.

вований возницы, рассуждающего вслух о том, что, если кто-нибудь задушит одинокую и очень богатую купчиху Заметову, люди лишь спасибо скажут, Павел Николаевич во сне реализует коварный план (разумеется, с отсылками к «Преступлению и наказанию» и «Братьям Карамазовым» Ф.М. Достоевского), а пробудившись недоумевает: почему же именно извозчик? Столь радикальная перемена декораций и ролей в рассказе Горького не только отражает его личные взгляды (неприязнь к крестьянству), но и символизирует радикальное изменение в культурной мифологии конца XIX века. Идиллические крестьяне как носители лучших черт великорусского народа уходят в тень, уступая сцену «серому» мужику в самых разных, в том числе демонизированных его ипостасях (см.: [Frierson 1993]).

Социология сюжета: почему извозчик?

Выход за узкие рамки морфологии сюжета в более широкое пространство социального воображаемого сразу же приводит к взаимосвязанным вопросам: почему извозчиков так много в классической русской литературе и почему дьявол их искушает? Самый простой ответ, лежащий на поверхности, заключается в том, что этот сюжет нарративно воплощает и инсценирует один из наиболее устойчивых конфликтов русской культуры и идентичности имперского периода — раскол между образованным меньшинством (дворянской элитой) и нецивилизованным большинством (крестьянами и, шире, простолюдинами). Конфликт этот был во многом сконструирован и артикулирован дворянской интеллигенцией в первой половине — середине XIX века [Frierson 1993: 5–10; Оффорд и др. 2022: 40–41, 715–716]. Чувствуя свою вину и потребность минимизировать раскол между сословиями, интеллектуальная элита искала любых возможностей изучать и просвещать народ, а потому ситуация участливой беседы или даже «интервьюирования» разговорчивого извозчика — наиболее естественная, легко переносимая на страницы очерка, рассказа, стихотворения или романа. В отличие от регулярных встреч с прислугой или дворней, происходивших в закрытом пространстве усадьбы или городской квартиры, разговор с извозчиком во время протяженной во времени и пространстве поездки сулил новые впечатления и открывал дверь в мир городских слухов, а значит, обладал сюжетогенным потенциалом. Извозчиков, несомненно, следует добавить к тем группам земледельцев и купцов-мореплавателей, а в Новое время горожан, из которых, по мнению Вальтера Беньямина, выходили наиболее яркие рассказчики. В известном эссе «Рассказчик» Беньямин отмечал, что с развитием капитализма и медиа информация, источником которой становятся газеты, вытесняет живой устный рассказ из человеческого обихода [Беньямин 2000: 349–350]. Однако не будет преувеличением сказать, что извозчики в XIX столетии (как и таксисты сегодня) оставались не только источником «информации» и слухов, но и носителями иного, по сравнению с их седоками, опыта, побуждавшего о нем рассказывать другому¹².

12 Помимо содержания беседы, внимание горожан могла привлекать и речь извозчиков: так, «Тамбовские ведомости» в начале XX века фиксировали возмущение прохожих obscene лексикой, которой сопровождалась разговоры между извозчиками на бирже [Баранова 2015: 129].

Время поездки, когда седок часто оставался наедине с извозчиком, создавало уникальный хронотоп, в котором снимался социальный барьер между представителем образованного класса и, что важно, свободным и независимым от него простолюдином-возницей. Потенциальное исчезновение сословной дистанции устанавливало доверительные отношения, способствовавшие обмену историями. Не случайно поэтому, что, начиная с очерка И. Запольского «Извозчик» (1798), восхищение и симпатия, испытываемые седоком-литератором по отношению к разговорчивому вознице, становятся своего рода топомосом в литературе об извозчиках, гарантируя саму возможность услышать и запомнить историю.

Таким образом, внутри популярного литературного сюжета находил разрешение острый социальный конфликт — во-первых, напряжение между элитой и простонародьем, а во-вторых, антагонизм между свободными и рабами (крепостными). Последнее обстоятельство, однако, оказывается при ближайшем рассмотрении гораздо более сложным. Дело в том, что до 1861 года нанятый в городе извозчик, особенно с поздней осени и до конца весны, по своему статусу, как правило, был крестьянином-отходником, то есть крепостным или государственным крестьянином, ушедшим в сезонный промысел от помещика или приказчика за фиксированный оброк. Число трудовых мигрантов-отходников неуклонно росло с конца XVIII века и на всем протяжении XIX века [Миронов 1990: 176; Gorshkov 2000: 632]. Более того, по данным переписи, среди извозчиков, например, Москвы в 1902 году из 15,4 тысяч собственно «москвичей» оказалось всего 220 человек [Федоров 1983: 202]. Масштаб миграции до отмены крепостного права был, конечно, меньшим, однако все равно большинство извозчиков в старой столице и Петербурге 1800—1840-х годов было отходниками из своей губернии ради сезонного заработка. Именно в Москву отправляется Ванюша в «Мешке с золотом» Полевого, чтобы восстановить потерянные сбережения отца и претендовать на руку Груни. К середине века миграция между крупными городами и деревнями (особенно определенных губерний — Ярославской, Новгородской, Костромской) значительно выросла (см.: [Gorshkov 2000]). При благоприятных условиях крестьяне оставались в столицах, сколачивали небольшой капитал и даже выкупались на волю или же годами жили на вольных хлебах, высылая помещикам оброк. Такой уклад нашел яркое отражение в рассказе А. Ф. Писемского «Питерщик» (1852), где сметливый и пробивной ярославец Клементий делает карьеру в Петербурге. Но уже с рассказа Полевого извозчик в литературе устойчиво предстает как посредник, челнок не только между районами и локациями города, но и между деревней и городом.

Таким образом, извозчик-отходник в восприятии городского жителя предстал в одно и то же время и как крепостной, то есть представитель далекой деревни, работающий на земле, и как свободный субъект, горожанин, рассчитывающий только на себя и живущий собственным заработком здесь и сейчас, в столице. Одновременная свобода и закрепощенность порождала уникальный феномен полусвободного-полураба, создавая в глазах пассажиров, да и в воображении самих возниц иллюзию разрушения социальной иерархии в момент максимальной близости и доверительного общения между заказчиком услуги и ее исполнителем.

Поскольку подавляющее большинство литературных произведений XIX века созданы представителями образованных и высших классов, только этим можно объяснить, что целые пласты городской реальности (с весьма значительным участием трудовых мигрантов-крестьян) оставались буквально невидимыми и

неизвестными для художественной словесности того времени. К 1840-м годам до 80—85% всех городских наемных рабочих из крестьян трудились на фабриках [Ibid.: 639], однако история литературы и культурная память не знает почти ни одного произведения 1840 — первой половины 1850-х, где действие происходило бы на фабрике или хотя бы тематизировало такую судьбу отходника. Исключение — роман Д.В. Григоровича «Рыбаки», в котором есть эпизодическое описание ткацкой фабрики (см.: [Shneyder 2021: 46—48]). Литература и публицистика второй половины века, разумеется, разрушили это негласное табу. Тем не менее в свете нашей проблемы этот пример отчетливо демонстрирует слепые зоны в репрезентации целых классов, социальных групп и связанной с ними реальности в России того времени. Чтобы написать физиологический очерк о фабричных рабочих (мужчинах, женщинах или детях), недостаточно было просто выйти на улицу, нанять извозчика и проехаться по значным районам. Необходимо было получить доступ на завод, в цеха и на производство, что в конце века, с развитием марксизма в России, станет модным и востребованным занятием. В эпоху же до отмены крепостного права писатели и журналисты, как правило, довольствовались лишь самым простым и естественным типом наблюдения — пешей прогулкой по улицам или поездкой в санях или дрожках извозчика. Именно он был представителем «настоящего» народа, до которого было проще всего дотянуться.

Легко заметить, что в социальном объяснении феномена извозчика все время просвечивает экономика. В самом деле, как не задаться вопросом, почему именно за этой профессиональной группой в литературе закрепляется переживание дьявольского искушения. Сразу же следует подчеркнуть, что речь идет об особом дискурсе в рамках дисциплинарной власти, созданном образованной элитой, в литературном воображении которой крестьянин/простолудин искушался деньгами, оброненными богатым пассажиром. Само искушение оказывалось возможным, очевидно, лишь потому, что крестьянам в культуре той эпохи приписывалась сильная религиозность, покорность, богобоязненность и при этом они часто изображались как лишённые субъектности (agency), то есть не обладающие достаточной волей противостоять проискам нечистой силы. Особенно тяжким грехом и в фольклоре, и в литературе считалось поклонение золотому тельцу и алчность [Богданов 1995: 63—74; Vdovin 2017: 58—62]. Соединение двух представлений (о религиозности крестьян и о греховности денег) и породило такой извод сюжета, в котором извозчику вменялось испытывать бесовское искушение крупной суммой денег и либо поддаться ей и погибнуть, либо с честью выдержать испытание и быть вознагражденным за возврат потери. Дисциплинирование потенциального простонародного читателя подобных рассказов заключалось в том, что они ненавязчиво должны были объяснять ему, что брать чужое нехорошо, то есть, говоря политэкономическим языком, что такое собственность и кому она принадлежит.

Но исчерпывается ли этим экономическая подкладка?

Прежде всего, остановки извозчиков в Петербурге и Москве, по-видимому, уже с XVIII века именовались биржей, то есть местами торга, где возницы конкурировали между собой за седоков¹³. Вот как описывает этот рынок Н.А. Полевой в «Мешке с золотом»:

13 Например, в 1815 году в Петербурге насчитывалось 358 бирж [Беспалов 2003: 57].

В самом деле, если нельзя назвать республикою, то можно уподобить целому гражданскому обществу мир московских извозчиков. <...> в мире московских извозчиков есть свои условия быта, из коих только гении-извозчики вылетают и в коих богатство выигрывает, ум служит подставкою, а бедность и глупость, как везде, бывают родные сестры.

<...> Биржа, где стоял Ванюша, составляла только часть мира того постоянного двора, в котором, под покровительством Парфентья, кочевали пришлецы отвсюду и всякие. Они разъезжались каждое утро на несколько биржей и соединялись в одно общество поздно вечером. На каждой бирже были записные, вековые жильцы-извозчики, знавшие всю подноготную в Москве и управлявшие общими мнениями... Волнения на бирже, при появлении пешеходца, все делались под их рукою. Тут был неизъяснимый дележ, угощение, череда. Главные конюводы всего более выработывали ночью, возя удалой народ на лихих дрожках бог знает куда и где кидали горстью двугривенные, как сор, не уважали синих и красных бумажек и гордились только белыми¹⁴.

Повторяясь едва ли не в каждом очерке об извозчиках (Вистенгофа, Кокорева и др.), понятие «биржи» заключало в себе очевидный экономический смысл: извозчики вступали в ожесточенную конкуренцию за седока, оплачивая, если были деньги, постоянные места на бирже, а в литературных текстах развитие сюжета напрямую зависело от того, насколько удачно пойдет работа героя и сумеет ли он зарабатывать в день сверх той суммы, которую назначает ему хозяин артели. Легко представить, в каких новых, капиталистических, условиях обнаруживал себя вчерашний селянин, привыкший работать на земле, когда попадал в большой город, да еще и в новую экономическую реальность. При благоприятных обстоятельствах начинающий извозчик-ванька (первая ступень иерархии) мог за зимний сезон увезти с собой 100—150 рублей или, напротив, вернуться ни с чем [Логинова 2021: 673—674; Самарина 2019: 101—102]. В литературных сюжетах такая ситуация конкуренции и огромные риски кодировались как испытание и искушение. На кону стояло как минимум выживание в городе, а как максимум — потенциальное, через много лет, освобождение из крепостной зависимости и получение права стать свободным горожанином (см. об этом: [Миронов 1990: 170—172]). В случае успеха непьющий и смекалистый извозчик мог за 10—20 лет скопить до тысячи-двух денег, организовать собственную артель и выкупиться на волю. Так, Трифон Афанасьев в повести С.Т. Славутинского (1859) за двадцать лет сберег полторы тысячи рублей, но лишился их в результате бесовского искушения (убил человека).

Конечно, в очерковой и художественной литературе фигурировали и более обеспеченные (и вышестоящие в иерархии) извозчики-лихачи¹⁵ или потомственные извозчики, такие, например, как троечники, то есть ездившие на тройках по шоссе между городами в очерке «Извозчики» С.В. Максимова (1854), или как Василий Прытков, получающий в наследство от отца-хозяина извозчицкой артели тысячу рублей капитала¹⁶. В таких случаях градус напряжения

14 Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. Л.: Художественная литература, 1986. С. 394.

15 Кокорев И.Т. Извозчики-лихачи и ваньки // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века / Под ред. В.И. Кулешова. М.: Изд-во Московского университета, 1986.

16 Куликова В.Н. Извозчик Клим: Рассказ из деревенской и петербургской жизни крестьян. СПб., 1886.

вокруг денег повышался, поскольку протагонист сталкивался с еще более опасным искусом — накопительством, эксплуатацией чужого труда, махинациями с деньгами или, как в случае с Прытковым, пьянством и лудоманией.

Не менее значимы с точки зрения сюжета и стоящих за ним символических коннотаций сами форма и вид денег. В Николаевскую эпоху денежные реформы Канкрин (введение фиксированного лага между серебряным и бумажным рублем), растущий рынок труда и промышленности и финансовые кризисы, как известно, привели к стремительной мифологизации рубля и превращению его в емкий символ, позволявший писателям и публицистам выражать с его помощью самые разные идеи о природе человека и его социальном бытии (см.: [Porter 2017]). В русле этой культурной мифологии располагался и сюжет об искушении извозчика крупной суммой денег. Если у Полевого в 1829 году Ванюша находит мешок с золотыми монетами на 40 тысяч рублей, то уже в 1830-е годы у Погодина в «Корыстолюбце» появляются ассигнации (30 тысяч), которые начинают доминировать в литературе (монеты фигурируют лишь в трех текстах против пяти с ассигнациями). Помимо большего удобства бумажных денег, ассигнациям в европейской и русской культуре приписывалось дьявольское происхождение [Vdovin 2017: 56—63]. В любом случае монеты или ассигнации были очень удобны для развертывания сюжета: их можно увидеть, присвоить или вернуть, что создает психологическое, социальное и, как следствие, нарративное напряжение, генерируя и направляя сюжет.

Таким образом, движение извозчика из деревни в город (и обратно), от биржи к бирже, от начала маршрута к его концу символически воплощает движение рабочей силы и денег (капитала). Это циркуляция труда и капитала между различными типами уклада — деревенским натуральным хозяйством и рынками больших городов. Кроме того, в рассказах об искушениях действие могло происходить и на крупных ярмарках, где купцы совершали сделки и перевозили большие суммы, которые искушали попутчиков и извозчиков. Именно поэтому в подавляющем большинстве произведений деньги теряют или забывают именно купцы, а не дворяне.

Становится понятно, почему орудием искушения выступают деньги: на барщине или оброке в границах имения они не циркулируют и не могут быть двигателем сюжета, обладая нулевым нарративным потенциалом. В пространстве ярмарки и большого города с их движением капитала и рабочей силы, напротив, и возникает та социально-экономическая среда, в которой сюжет об искушении деньгами извозчика становится возможным. Так в русской литературе XIX века развивается особая «повествовательная экономика», в которой извозчики циркулируют между городом и деревней и внутри городов, символизируя, с одной стороны, социокультурный разрыв между двумя классами, а с другой — воплощая комплекс фольклорных и литературных представлений о народной религиозности и дьявольской природе денег.

К середине столетия этот сюжет распространяется с извозчиков на другие группы крестьян и простолюдинов. Например, в «Поликушке» (1863) Л.Н. Толстого искушается дворовый Поликей, в народной драме А.А. Потехина «Чужое добро впрок нейдет» (1855) — сын состоятельного держателя постоялого двора Михайло, нашедший туго набитый купеческий бумажник, а в повести А.И. Левитова «Накануне Христова дня» (1861) — и сам обеспеченный хозяин постоялого двора Липат Семеныч. На рубеже XIX и XX столетий, с появлением конки, трамваев, а затем и автомобилей, извозчики постепенно вы-

тесняются на окраины больших городов, а вместе с этим — на глубокую периферию литературы и смежных дискурсов. Но только для того, чтобы уступить сиденье таксистам.

Библиография / References

- [Баранова 2015] — *Баранова Е.В.* Городские извозчики конца XIX—XX вв.: штрихи к портрету социально-профессиональной группы // Социальные и экономические феномены и процессы. 2015. Т. 10. № 6. С. 127—133.
- (*Baranova E.V.* Gorodskie izvozchiki kontsa XIX—XX vv.: shtrikhi k portretu sotsial'no-professional'noy gruppy // Sotsial'nye i ekonomicheskie fenomeny i protsessy. 2015. Vol. 10. No. 6. P. 127—133.)
- [Беньямин 2000] — *Беньямин В.* Рассказчик // Беньямин В. Озарения / Пер. Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. М.: Мартис, 2000. С. 345—366.
- (*Benjamin W.* Der Erzähler // Benjamin W. Ozareniya. Moscow, 2000. P. 345—366. — In Russ.)
- [Беспалов 2003] — *Беспалов Н.Г.* Транспорт и связь в Санкт-Петербурге с его основания и до 300-летия // Петербург в экономическом пространстве: история и современность. СПб.: РАН, 2003. С. 54—85.
- (*Bespalov N.G.* Transport i svyaz' v Sankt-Peterburge s ego osnovaniya i do 300-letiya // Peterburg v ekonomicheskom prostranstve: istoriya i sovremennost'. Saint Petersburg, 2003. P. 54—85.)
- [Богданов 1995] — *Богданов К.А.* Деньги в фольклоре. СПб.: Пушкинский Дом, 1995.
- (*Bogdanov K.A.* Den'gi v fol'klore. Saint Petersburg, 1995.)
- [Венедиктова 2018] — *Венедиктова Т.Д.* Литература как опыт, или «буржуазный читатель» как культурный герой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (*Venediktova T.D.* Literatura kak opyt, ili "burzhuaznyu chitatel'" kak kul'turnyyu geroy. Moscow, 2018.)
- [Вершинина 1997] — *Вершинина Н.Л.* Русская беллетристика 1830—1840-х годов: (Проблемы жанра и стиля). Псков: Псковский гос. пед. ин-т, 1997.
- (*Vershinina N.L.* Russkaya belletristika 1830—1840-kh godov: (Problemy zhanra i stilya). Pskov, 1997.)
- [Гин 1960] — *Гин М.М.* Из истории борьбы Некрасова с ложной народностью // Некрасовский сборник. М.; Л., 1960. Вып. III. С. 273—280.
- (*Gin M.M.* Iz istorii bor'by Nekrasova s lozhnoy narodnost'yu // Nekrasovskiy sbornik. Moscow; Leningrad, 1960. Iss. III. P. 273—280.)
- [Китанина 2005] — *Китанина Т.А.* Материалы к указателю сюжетов предпушкинской прозы // Пушкин и его современники: Сб. науч. трудов / Под ред. Е.О. Лариновой. СПб.: Нестор-История; Академический проект, 2005. Вып. 4 (43). С. 525—610.
- (*Kitanina T.A.* Materialy k ukazatelyu syuzhetov predpushkinskoy prozy // Pushkin i ego sovremenniki: Sb. nauch. trudov. Saint Petersburg, 2005. Iss. 4 (43). P. 525—610.)
- [Конечный 2021] — *Конечный А.М.* Былой Петербург. Проза будней и поэзия праздника. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (*Konechnyy A.M.* Byloy Peterburg. Proza budney i poeziya prazdnika. Moscow, 2021.)
- [Логинова 2021] — *Логинова Д.В.* Профессиональный облик извозчиков в России в XIX — начале XX в. // Via in tempore. История. Политология. Т. 48. № 3. С. 670—680.
- (*Loginova D.V.* Professional'nyu oblik izvozchikov v Rossii v XIX — nachale XX v. // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2021. Vol. 48. No. 3. P. 670—680.)
- [Миронов 1990] — *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990.
- (*Mironov B.N.* Russkiy gorod v 1740—1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie. Leningrad, 1990.)
- [Оффорд и др. 2022] — *Оффорд Д., Ржеуцки В., Арджент Г.* Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история / Пер. с англ. К. Овериной под ред. В. Ржеуцкого. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

- (*Offord D., Rjeoutski V, Argent G.* The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History. Moscow, 2022. — In Russ.)
- [Самарина 2019] — Самарина Л.А. Легковой извоз в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // История повседневности. 2019. № 3. С. 91—115.
- (*Samarina L.A.* Legkovoy izvoz v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) // Istoriya povsednevnosti. 2019. No. 3. P. 91—115.)
- [Степанов 2005] — Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- (*Stepanov A.D.* Problemy kommunikatsii u Chekhova. Moscow, 2005.)
- [Тынянов 1977] — Тынянов Ю.Н. «Извозчик» Некрасова // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 28.
- (*Туньянов Ю.Н.* “Izvozchik” Nekrasova // Туньянов Ю.Н. Poetika. Istoriya literatury. Kino. Moscow, 1977. P. 28.)
- [Федоров 1983] — Федоров В.А. Крестьянин-отходник в Москве (вторая половина XIX века) // Русский город. Вып. 6. М.: Изд-во Московского университета, 1983. С. 191—203.
- (*Fedorov V.A.* Krest'yanin-otkhodnik v Moskve (vtoraya polovina XIX veka) // Russkiy gorod. Iss. 6. Moscow, 1983. P. 191—203.)
- [Frierson 1993] — Frierson C. Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- [Gorshkov 2000] — Gorshkov B. Serfs on the Move: Peasant Seasonal Migration in Pre-Reform Russia, 1800—61 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 627—656.
- [Porter 2017] — Porter J. Economies of Feeling: Russian Literature under Nicholas I. Evanston: Northwestern University Press, 2017.
- [Randolph 2007] — Randolph J.W. The Singing Coachman or, The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times // Journal of Early Modern History. 2007. Vol. 11 (1—2). P. 33—61.
- [Randolph 2017] — Randolph J. Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire, 1700—1850 // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600—1850 / Ed. by S. Franklin, K. Bowers. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. P. 155—184.
- [Shneyder 2021] — Shneyder V. Russia's Capitalist Realism. Tolstoy, Dostoevsky, and Chekhov. Evanston, Northwestern University Press, 2021.
- [Taylor 2004] — Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. Durham, North Carolina: Duke University Press, 2004.
- [Vdovin 2017] — Vdovin A. “Devilish Money” and Peasant Ethics: Leo Tolstoy's Economic Imagination and Emplotment in “Polikushka” // Russian Review. 2017. Vol. 76. No. 1. P. 53—71.